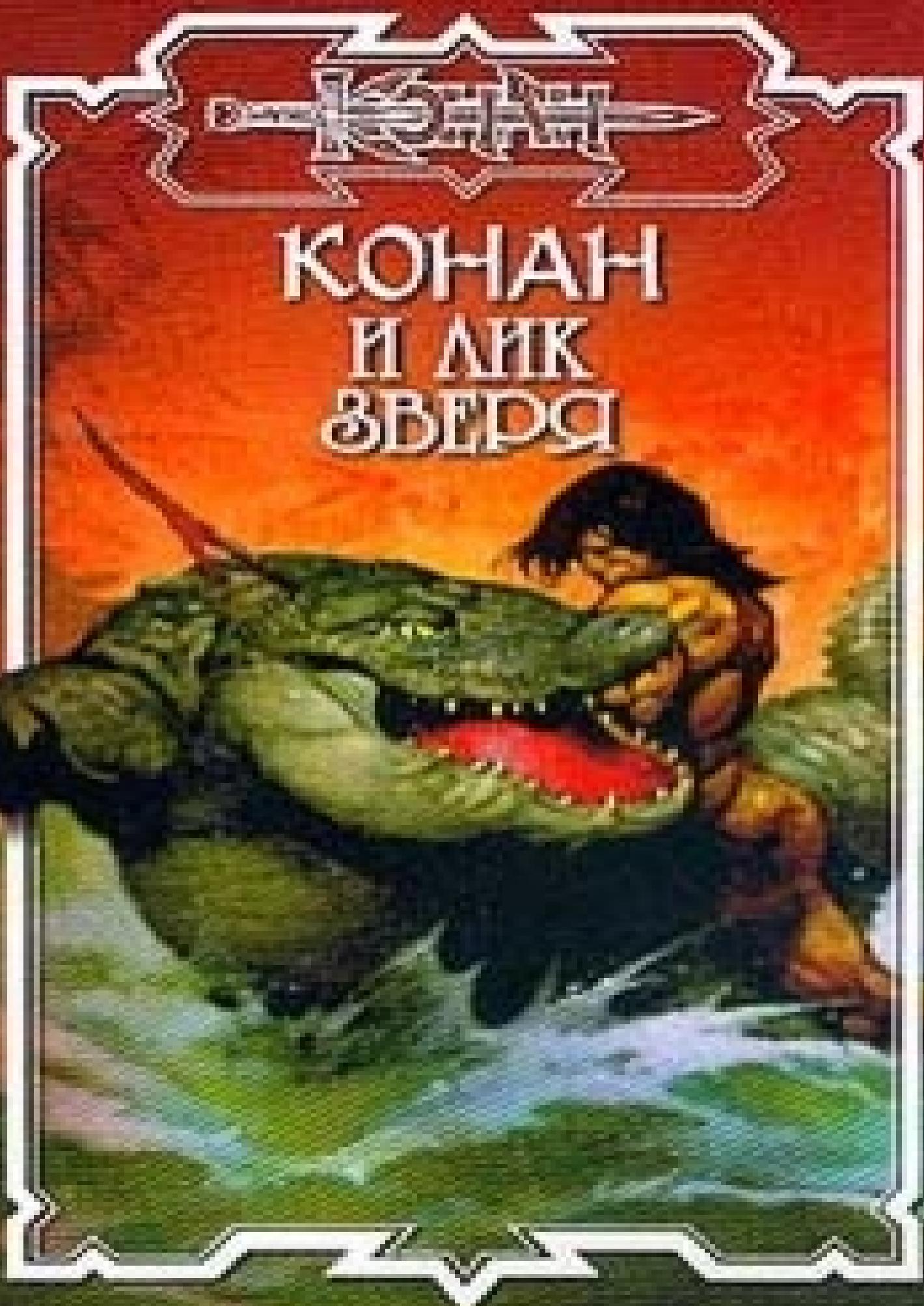

КОНАН И АНК ЗВЕРС

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад», 2001, том 65 «Конан и лик Зверя»

Тим Доннел. Лик Зверя (рассказ), стр. 353-421

- [Тим Доннел](#)
-
-

Тим Доннел

Конан и лик Зверя

Владыка Турана, сильнейшего государства хайборийского мира, прищурившись, глядел на низко склонившуюся перед ним фигуру. — Ты изменился, Радхар. ...Подобных людей тысячи на улицах Аграпура — небогатые торговцы, купцы средней руки, преуспевающие ремесленники, землевладельцы с окраин империи, где крохотные пятаки плодородной земли, отвоеванные у пустыни, считаются, чуть ли не королевскими угодьями. Но Радхар не был ни купцом, ни ремесленником, ни даже землевладельцем. Скромная одежда ничего не значила. Если бы приказ Езидигерда был иным, то Аграпур еще долго вспоминал шумный и блестящий приезд то ли вендейского принца, то ли кхитайского мандарина.

Владыка Турана был высок и могуч. Литые мускулы перекатывались под тонким шелком расшитого золотом халата. Мощная, как ствол дуба, шея и широкая грудь говорили о страшной силе. Езидигерд сознавал свою силу и гордился ею, гордился по праву.

Тем не менее, он знал, что невысокий худощавый человек, склонившийся сейчас перед ним, обладал силой еще большей, хотя внешне это никак не проявлялось. Езидигерд — надменный, жестокий, вспыльчивый монарх, обычно не терпевший, чтобы кто-то был в чем-то выше его, относился к Радхару почти дружески, чему сам иногда удивлялся.

Радхару было около сорока пяти лет, и он служил еще Илдизу — отцу нынешнего владыки Турана. Об этом человеке давным-давно слагались бы легенды, однако род его занятий подразумевал строжайшую тайну. Шпионаж, убийства, заговоры, и это далеко не полный список того, чем занимался Радхар. Во многом именно благодаря ему, Туранская армия вела успешные войны на все четыре стороны света.

Была и еще одна причина, по которой Радхар до сих пор не лишился головы — известно ведь, что особо ценные люди рано или поздно становятся слишком неудобными для монархов, несмотря на свои чрезвычайно редкие неудачи. Он, безусловно, был предан правящему дому Турана, и Илдиз, а в последствии и Езидигерд, это знали. Такая преданность могла объясняться поистине сказочными вознаграждениями, но, вероятно, она имела более глубокую и тайную причину, которая была известна Илдизу, но Езидигерду старый король не успел о ней рассказать.

Езидигерд отошел от окна, через которое наблюдал яростные атаки морских волн на подножие непоколебимо стоящего черного утеса, на вершине которого гордо бросал вызов небу высокими шпилями королевский дворец. Радхар при приближении повелителя склонился еще ниже. Король дружески положил руку ему на плечо.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал? Скорее, это был не вопрос, а утверждение.

Радхар всегда все знал...

Шпион выпрямился и вздохнул:

— Догадываюсь, мой повелитель. Мунгане?

— Да, порази их Эрлик! Но почему ты вздыхаешь?

— Всякий раз, когда я слышу о них, у меня становится тяжело на душе. В самом сердце Турана, недалеко от столицы, ваши поданные смеются над законами своего повелителя!

— Ну, Радхар, ты выдаешь желаемое за действительное, мунгане не являются ничими поданными, хотя и живут на моих землях. Это сброд со всех сторон света: беглые рабы, бродяги, бандиты и воры. Лет пятьдесят назад они появились на южном берегу Вилайета, а сейчас расплодились, как мухи. Ни один караван не может считать себя в безопасности, проходя по

южному берегу моря, так же как ни один корабль, если он плывет без эскорта: пираты Вилайета — мерзавцы из той же породы, что и мунгане, и часто выступают с ними заодно. Торговля на главных караванных путях Империи почти прекратилась. Казна терпит убытки. Хоарезм в осаде, а это главный порт на южном берегу. До недавнего времени меня эти бандиты не беспокоили, — продолжал Ездигерд, подводя Радхара к низкому столику, на котором безмолвные, скользящие, как тени, обнаженные рабыни приготовили легкий, но изысканный ужин. Радхар подметил, что сегодня это были белокожие золотоволосые уроженки Запада, и был тронут: Ездигерд, зная о вкусах гостя, постарался доставить ему удовольствие. Между тем, монарх продолжал: — Несмотря на их многочисленность, грызня между шайками давала возможность купцам дышать свободно. Но не так давно у них появился вождь, сумевший объединить их под своим началом и договориться с пиратами, словом, создать целую армию из отпетых злодеев. А это уже война — настоящая война. Мириться дальше с этим не возможно. Ты знаешь, о ком я говорю? Радхар кивнул.

— Конан.

— Да падет проклятье на его голову! — Ездигерд побагровел, огромные кулаки сжали со страшной силой серебряный кубок, сминая металл, как глину.— Не могу слышать этого имени! Но приходится. Ты его знаешь?

— Я с ним достаточно хорошо знаком, хоть мы и не встречались. И сомневаюсь, чтобы он слышал обо мне. Таких людей, как этот киммериец, нужно постоянно держать на виду.

— Отчего это? Грязный разбойник...

— Этот грязный разбойник — великий герой, — мягко перебил короля Радхар.— Только незаурядный человек смог бы подчинить себе диких мунган. А они не те люди, которые охотно сажают себе на шею всякого проходимца. Вам известно, мой повелитель, что Конан одно время служил вашему отцу и проявил чудеса храбрости, дойдя от простого наемника до сотника королевской гвардии.

— А что еще? — проявляя явный интерес, спросил Ездигерд.

— Многое, очень многое. Варвар молод, кровь еще бурлит, его бросает по всему миру от Киммерии до Кхитая и от Асгарда до Стигии. Натура же его такова, что о пalomничествах говорить не приходится. Сотни поединков, стычек, схваток, сражений! И всюду он побеждает. Можно сказать, что ему просто везет, но и это немало. Быть везучим, значит быть любимцем богов.

Ездигерд уставился на Радхара далеко не восхищенным взглядом. Тот мгновенно понял, что несколько перестарался, и поспешил исправиться:

— Тем не менее, он — наш враг, и должен погибнуть.

Глаза Ездигерда смягчились.

— У тебя уже есть план?

— Сегодня ночью я долго думал над этим. Конан хитер и осторожен, у него поистине варварское чутье на предательство и опасность. Сколько ни старались его заманить в ловушку, дело кончалось провалом. Последний раз это пытался сделать Джихангир Ага, наместник Хоарезма, человек, не лишенный фантазии. Он был близок к успеху... Но и ему боги не улыбнулись — вмешались какие-то магические силы, и Конан вновь ускользнул.

— Ты знаешь эту историю?

— В общих чертах. Я говорил с Газнови, которого ты, мой повелитель, после смерти Джихан-гира бросил в одну из темниц Аграпура.

— А как ты туда попал? — Пораженный, Ездигерд откинулся на мягкий валик лежанки и изумленно посмотрел на Радхара.

— Это было не очень сложно. У меня есть кое-какой опыт в подобных делах.

— Сегодня же казню начальника тюрьмы,— не задумываясь, пообещал Ездигерд.

— Как будет угодно вашему величеству.

— Но мы отвлеклись. Продолжай.

— Думаю, что я достаточно хорошо понимаю характер Конана. Он по-своему честен и уважает людей, подобных себе, даже если они его враги. А если он встретит друга, похожего на себя?

— Так-так,— Ездигерд медленно кивнул.— Кажется, я понимаю.

— План мой прост, но для его исполнения нужно время. И еще нужны люди, на которых я мог бы положиться, как на себя самого.

— Таких нет,— с чувством уверенности произнес Ездигерд.

— Найдутся,— с той же уверенностью ответил Радхар. Глаза его блестели. Он уже

полностью был захвачен своим планом, вступил в игру, которая целиком овладела его мыслями.

— Из них я организую славную шайку! Твои солдаты сбываются с ног, преследуя меня, а мое имя купцы будут поминать с тем же страхом, что и имя Конана.

* * *

— Конан!

— Арапша!

— Киммерийский пес!

— Гирканская свинья!

В лучах заходящего солнца навстречу друг другу сверкнули две молнии, скрестились и с лязгом разошлись, чтобы в следующий миг, описав стремительную дугу, скреститься снова.

Люди, стоящие друг против друга, несмотря на свою ярость и гнев, были слишком искусны в игре клинков, и первая схватка окончилась бескровно. Неизвестно, как завершилась бы вторая, не помешай продолжению поединка невысокий худощавый человек, ужом проскользнувший между дерущимися. Смертельные удары с двух сторон обрушились на него одновременно.

У толпившихся вокруг разбойников, опешивших от неожиданности, при виде этого вырвался громкий крик.

Казалось, безумец, вклинившись между двумя схватившимися не на жизнь, а на смерть врагами, сейчас будет разрублен на куски. Но невысокий человек каким-то непостижимым образом успел подставить под удары свою саблю. Три клинка сплелись, будто змеи в одном клубке, и не успели зрители перевести дух, как сабля гирканца вырванная из его руки, взвилась вверх и, описав широкую дугу, воткнулась в мягкую, податливую землю.

Арапша, потеряв равновесие, сделал два неверных шага, запнулся и сел, растерянно моргая.

Его могучего противника, киммерийца Конана, тоже повело вбок, но варвар устоял на ногах и не выпустил из рук оружия. Через миг острие клинка его сабли вновь поднялось, целясь в лицо незваному миротворцу. Синие глаза Конана потемнели от гнева. Крик ужаса сменился воплями восторга. Мунгане немногое ценили в своей жизни, да и сама жизнь в их глазах мало чего стоила, но истинное мастерство всегда в почете. Сейчас отчаянные рубаки, родившиеся на коне и с саблей в руке, увидели такое, чего раньше им видеть не доводилось, и бурно приветствовали человека, подарившего им прекраснейшее, по их понятиям, зрелище.

Радхар с размаху воткнул саблю в землю и поднял руку. Клинок в руке Конан дрогнул, но не опустился. Радхар ждал.

Крики разбойников стихли, все затаили дыхание. Киммериец, хмуря брови, медленно опустил свой клинок.

— Не стоило тебе вмешиваться,— медленно, с видимым спокойствием, произнес киммериец.— Или ты не знаешь обычая? Там, где сошлись в поединке двое, третьему делать нечего!

— Я знаю этот мудрый обычай, принятый во всем мире у честных людей,— так же спокойно ответил Радхар, по прозвищу Серый — знаменитый на всю степь грабитель, предводитель небольшой, но необычайно дерзкой шайки разбойников, вот уже несколько лун не дававшей покоя ни купцам, ни жителям окрестных поселений, ни королевским войскам, которые гонялись за ним по всей степи и ненавидели Радхара не меньше самого Конана. За тем, по крайней мере, гоняться было не надо. Туранцы знали, в каких местах обитает армия мунган, и туда не совались, так как силенок у наместника Хоарезма не хватало. Ждали, пока Конан появится сам, и защищались, как могли. А у Серого было мало людей, но жалоб на него поступало слишком много. Приказ наместника был короток и ясен! Несколько отборных отрядов только тем и занимались, что гонялись за Радхаром по заболоченным лесам, и по песчаным барханам, высунув языки, но шайка оставалась неуловимой.

До сих пор Серый действовал на свой страх и риск, не ища связи с мунганами, пока неожиданно не столкнулся с их отрядом на границе степи и болот на южном берегу Вилайета, недалеко от устья Запорожки.

Недоверие, с которым мунгане отнеслись к незнакомому отряду, быстро рассеялось, едва только узнали, кто находится перед ними. С их точки зрения, Радхар был героем — не таким, конечно, как Конан, но весьма и весьма уважаемым человеком.

А Конан был недалеко — полдня пути через джунгли. «Вы, добрые люди, вообще, куда едете? Задумали дело?» «Да нет, собственно говоря, просто один настырный сотник со своими шакалами на пятки наступает, вот мы и подались к лесу.» «Поехали тогда с нами! Конан будет рад с тобой встретиться, Серый.» «Ну, а почему бы и нет? Но этот сотник.» «Ах, сотник! Ну, это ерунда, сейчас мы с ним разберемся!»

И с сотником разобрались. Ничто так не сближает, как славная драка, тем более, если она победоносна. К Конану направлялся уже единый отряд, в котором вперемешку ехали и мунгане, и люди Радхара.

Конан встретил степную знаменитость по-дружески. Хотя к любопытству поначалу примешивалась изрядная доля настороженности, что было обычно для киммерийца, но Радхар держался просто, спокойно, без хвастовства, обычного среди удачливых вожаков. К Конану он отнесся с искренним восхищением, хотя и держался с ним на равных.

Но Радхар был не настолько глуп, чтобы не понимать, что в одном месте двух равных вождей быть не может. Обычно это чревато неприятностями для одного из них. Поэтому он очень тонко, очень осторожно и очень естественно несколько раз, оглядывая пестрое воинство Конана, ронял фразы, вроде: «Да, большую силу ты собрал, Конан! Как это тебе удалось? Я-то своих людей еле в узде держу...». «Это еще не все войско», — довольно ухмылялся северянин.

Все шло великолепно, пока киммериец нос к носу не столкнулся с Арапшой, которого отлично знал еще по службе у Илдиза. С тех времен у них оставался невыясненным один спорный вопрос, разрешить который они только что и попытались. Стычка была спланирована Радхаром заранее, так же как и его собственный эффектный выход, отработанный сотни раз за последний месяц. Тщательно продуманы были и слова, которые Радхар собирался сейчас сказать. Вопрос Конана он предвидел, и его ответ последовал незамедлительно:

— Конечно, я знаю этот обычай,— повторил Радхар.— И прошу прощения, что невольно нарушил его.

— Невольно? — переспросил Конан. Лицо киммерийца было хмурым, происходящее ему явно не нравилось.

А на место несостоявшегося поединка уже сбегались разбойники со всего лагеря. Не прошло и пяти минут, как Радхар, Арапша и Конан оказались окружеными плотным кольцом пестро одетых и разнообразно вооруженных людей, которые неистово галдели. Лица вокруг, не были ни агрессивными, ни злобными. На большинстве из них читалось лишь любопытство. Подобные схватки здесь не были редкостью, хотя насмерть бились не часто, как ни странно для столь необузданного общества, обычно удовлетворялись первой кровью, после чего победитель и побежденный вместе с многочисленными друзьями отправлялись пить хмельную, выдержанную брагу.

Радхару все это было отлично известно. Соглядатай туранского правителя рассчитывал на поединок с Конаном именно до первой крови. Схватка была ему нужна, чтобы укрепить свое положение среди мунган, и, кроме того, Радхара одолевало могучее желание, азарт, который опытный и хладнокровный шпион пытался подавить, но без особого успеха. Так охотник на тигров, который выходил победителем тысячу раз и привык относиться к этим страшным зверям как к безобидным овцам, выходит один на один с самым крупным, самым сильным тигром, и внезапно испытывает давно забытое возбуждение.

Но сначала нужно было объясниться с киммерийцем.

— Ты прав, Конан,— со вздохом согласился Радхар.— Конечно, я необдуманно бросился между вами, но я не мог поступить иначе. Арапша — мой человек, и я отвечаю за него так же, как и ты отвечаешь за любого из своих людей.

— Мне не нужна нянька! — крикнул Арапша. Туранец уже подобрал свою саблю и стоял рядом с Радхаром с искаженным от ненависти лицом.— Отойди в сторону, Серый, дай нам закончить этот спор.

— Заткнись,— негромко, но внятно произнес Радхар.

Арапша замолчал, но по его лицу было видно, чего это ему стоило. Грудь туранца бурно вздымалась и опускалась от едва сдерживаемых чувств. «Не переиграл бы»,— с легким беспокойством подумал Радхар и вновь обратился к Конану.

— Разве ты не согласен со мной? Если заставит нужда, то ты будешь за любого из своих людей драться, не щадя себя, верно?

— Верно,— кивнул киммериец,— но мне и в голову не придет разнимать их, если это не угрожает общему делу. Тут Арапша прав — он уже вышел из того возраста, когда ему нужна нянька.

— Арапша горд,— тихо ответил Радхар,— не останови я его, он бы дрался с тобой и неминуемо погиб!

— Может быть, но такова, значит, судьба, уготованная ему вашим Эрликом! — Конан начал злиться всерьез.— Отойди, дружище Радхар, не лезь не в свое дело!

— Арапша, сними куртку! — приказал Радхар, оборачиваясь к бывшему гвардейцу. Арапша в замешательстве отступил на шаг.

— Но, Серый...

— Сними куртку! — В голосе Радхара, обычно мягким и спокойном, зазвенела сталь. Арапша закусил губу и, не пытаясь больше спорить, левой рукой принял распускать шнурковку короткой кожаной куртки без рукавов. В правой руке он по-прежнему сжимал саблю.

— Оставь ты свою железку! — рявкнул Радхар, теряя терпение.— Шевелись!

Арапша со злостью вогнал клинок в землю, как нездолго до этого поступил сам Радхар, и двумя руками рванул полы куртки.

Мунгане взволнованно загудели, Конан наступил брови и покачал головой. Чуть ли не через

весь живот, почти до паха тянулся багровый шрам, едва зарубцевавшийся. Тонкая струйка крови медленно сбегала вниз, и полотняный пояс его широких шелковых штанов уже изрядно намок. Арапша, бледный как саван, стоял закусив губу и смотрел куда-то поверх голов Радхара и Конана.

«Отлично,— удовлетворенно подумал Радхар,— он играет лучше любого мима в Аграпуре. Недаром я столько времени его натаскивал.»

Шрам на животе Радхар сделал Арапше сам. С точностью, которой позавидовал бы любой лекарь, одним взмахом кривого серповидного ножа снизу вверх, так чтобы не повредить брюшину. Разрез получился болезненный, но неглубокий. Он еще долго колдовал, чтобы придать шраму более ужасный вид, и только после этого наложил швы. Арапша во время операции стонал, но вел себя достаточно сносно, и Радхар остался им доволен. Выждав два дня, он выехал в направлении лагеря Конана. Обреченная сотня лучников Хоарезма, якобы предупрежденная некими доброхотами о маршруте Серого, почти настигла его. Радхар знал, где он встретит отряд мунган, и знал, что они не оставят его в беде. Знал он и о том, что ждет хоарезмийцев. Что ж, такова их судьба, как любит повторять киммериец.

А Конан в это время уже вкладывал саблю в ножны.

— Что ж, придется подождать,— почти равнодушно бросил он.— Пока рана не заживет.

Разбойники загадели, явно одобряя слова своего вожака. Губы Арапши искривились, словно он собирался сказать что-то оскорбительное, но взгляд Радхара остановил его.

— Хорошо,— только и сказал он, набросив на плечи куртку.

— Как это его угораздило? — спросил Конан, кивнув на Арапшу.

— Юэтши,— коротко ответил Радхар.

— Да ну? — удивился Конан.— Рыбаки — народ безобидный, их ничто, кроме рыбы, не интересует. Сказать по чести, кажется, что думать о чем-то другом у них просто мозгов не хватает. Что Арапша с ними не поделил?

— Женщину,— так же коротко бросил в ответ Радхар.— Послушай, Конан, если ты раздосадован тем, что Арапша не может драться с, тобой, то я...

Серый замолчал, видя что киммериец его совсем не слушает. Северянин сложился пополам в приступе хохота. Смеялись и стоявшие поблизости мунгане, слышавшие его слова.

— О, Кром! — Конан вытер слезы, выступившие от смеха.— Хотел бы я посмотреть, как Арапша забавляется с одной из этих... этих...

Не найдя подходящего слова, Конан махнул рукой и снова захохотал.

Радхар нахмурился и осмотрел гогочущую толпу, толком не зная, что ему делать. Во всяком случае, мечте о поединке с Конаном пока суждено оставаться только мечтой.

Первая кровь должна стать и последней! Сейчас надо думать и думать очень быстро, что он сказал не так.

Шпион не дожил бы до своих лет, если бы не умел мгновенно соображать. Он вспомнил, как выглядят женщины юэтши и понял, что так развеселило варвара.

Радхар вынужденно усмехнулся и развел руками:

— Последнее время мы сильно скучали по женщинам. Арапше воздержание давалось тяжелее, чем остальным, ну, а когда он совсем взбесился, то ему было уже все равно на кого бросаться — на юэтши или кобылу.

— Клянусь своим клинком, Арапша, я тебя зауважал! — воскликнул Конан.— Но по мне, так лучше кобыла!

Новый взрыв хохота был ответом на грубую шутку северянина. Радхар с беспокойством поиском глазами Арапшу, опасаясь, что озлившийся на насмешки туранец выдаст его неосторожным движением, но Арапша уже скрылся в стане.

Конан хлопнул шпиона по спине.

— Пойдем, дружище Радхар! От смеха в горле пересохло, словно я неделю скакал по пустыне. Ну, надо же, юэтши! В вонючих шкурах, пропахших рыбой, грязь слоями отваливается, а все равно кожи не видно... Клянусь Четырьмя Стихиями, даже Деркэто не соблазнила бы меня, если бы я вдруг узнал, что она с юэтши в родстве!

Слова были произнесены, и порой одно неосторожное слово может круто изменить судьбу многих людей и целого королевства.

* * *

Радхар получил-таки, чего хотел: сошелся с Конаном один на один и дрался с ним какое-то время. Никакого удовлетворения он от этого поединка не получил, ибо был наполовину пьян, несмотря на специально заговоренный против пьянства перстень, который он не забыл повернуть камнем вниз после первой же чаши, как полагалось. Слабым утешением служило сознание того, что без этого талисмана он бы уже валялся без памяти, как многие из воинства Конана и, без сомнения, все или почти все его люди, для которых магических перстней не предусматривалось.

Но для себя Радхар понял, что киммериец, на котором почти не сказалось неимоверное количество выпитого, не тот противник, с кем можно биться с пьяных глаз. Царапина на левом плече и распоротая штанина Радхара говорили об этом яснее ясного.

Не утешало даже то, что ярко-красная туника северянина приобрела три новые дырки, которые не сделали ее красивее. Что толку — ни один удар шпиона даже не оцарапал варвару кожу.

Но мунгане были в восторге от поединка. От их воплей звенело в ушах, тут и там, воодушевленные примером своих вождей, отчаянные головы выхватывали сабли и сходились в лихой рубке. Иные просто начинали бороться, а кое-кто решил попробовать свои силы в кулачном бою. Кто-то пустился в пляс под дикое уханье и пронзительные крики.

От дальних костров слышались заунывные, тянувшие душу, завывания.

Разбойники гуляли. Трудно представить себе более живописное и вместе с тем более грозное зрелище.

Лагерь Конана располагался на окраине леса недалеко от берега моря, и иногда можно было расслышать отдаленный шум прибоя. Ночные джунгли были полны звуков: крики птиц, болтовня обезьян, грозный рык вышедшего на охоту хищника, хотят гиен и тоскливыЙ вой шакалов создавали свою неповторимую, вечную, как сама жизнь, музыку, которая грубо заглушалась нестройным пением и пьяным хохотом сотен людей.

Звери, выходившие на свои тропы, огибли лагерь стороной — шум раздражал их, но не пугал. Лес был их царством — диким, таинственным, где все подчинялось извечным законам природы. Двуногие считают себя выше этих законов. Они исчезнут, а лес, море и степь останутся. И через миллионы лет птицы будут порхать с ветки на ветку и петь свои песни, а пожиратели падали все также будут тащиться за грозным хищником в надежде на нагиву. Где тогда будет человек?

Толпа, веселящаяся в лагере, и не думала вслушиваться в ночную жизнь леса. Кто еще держался на ногах, шумели за себя и за своих спящих товарищей.

Непроглядная темень тропической ночи бессильно отступала перед светом многочисленных

костров. В их отблесках мелькали самые пестрые одеяния в мире: разноцветные головные платки, золоченые шлемы, позаимствованные у турецких гвардейцев, широкополые аквилонские шляпы, причудливые головные уборы из перьев, обычные для пиктов и жителей черных королевств далекого юга, но чудно и дико выглядящие над их хайборийскими физиономиями. Куртки, халаты, длиннополые кафтаны, блестящие кольчуги, рубахи и туники самых ярких расцветок, короткие узкие штаны запада, широченные восточные шаровары и набедренные повязки.

Но было одно, что объединяло эту разношерстную толпу — оружие. Обычное, излюбленное оружие мунган — кривая сабля, но нередко можно было увидеть прямые мечи, обычные для закатных стран, и боевые секиры самых разнообразных форм. В дополнение к этому каждый разбойник в соответствии со своим вкусом имел нож, реже кинжал, обычный или метательный, стилет, тесак, топор — всего и не перечесть. И редко какой солдат регулярной армии владел с таким искусством своим оружием, как мунгане своим излюбленным, порой весьма экзотическим. Что до сабли или меча, то ими учились владеть еще с младенческих лет. Мунганская стрелка из лука смеялась над знаменитыми хорезмскими лучниками и называли их недоучками.

Да, эта армия была сильна, но было у нее и слабое место: отсутствие дисциплины и неумение сражаться в строю. В чистом поле мунгане не выдерживали навязанного правильного боя и обращались в бегство, даже если силы сторон бывали равны. Понятно, что степные волки предпочитали дерзкие лихие налеты и нападения из засад.

Так было, пока не пришел Конан.

Радхар изо всех сил пытался поддерживать разговор с киммерийцем, хотя давалось это нелегко. Мысли шпиона, обычно четкие, острые, как лезвие его сабли, сейчас лениво ворочались у него в голове, возникая без всякой связи, и исчезая прежде, чем он успевал их додумать.

А Конан, был очень рад, что встретил человека, способного пить с ним наравне и говорил, говорил, говорил... Много спрашивал, и Радхар каждый раз с мучительным усилием взвешивал свой ответ, прежде чем открыть рот. К счастью для шпиона, Конан не всегда внимательно его слушал.

Киммериец скинул с себя тунику, попорченную клинком Радхара, и сидел напротив своего собеседника, обнаженный по пояс, огромный, подобно легендарным великанам. Тело его, несмотря на чудовищную величину мышц, тем не менее не производило впечатление бесформенной туши, как это часто бывает у крупных людей. Наоборот, каждый мускул был словно высечен резцом искуснейшего мастера, а в совокупности они являли собой великолепный тип могучего тела, изящного, несмотря на свои размеры.

Впечатление неповоротливости, впрочем, сразу исчезало, стоило только варвару начать двигаться. Пластика движений у киммерийца была такова, что ей могли позавидовать лучшие танцовщицы Аграпура, а скорости и реакции — сам

Радхар, лучший клинок Турана. Он и завидовал. И восхищался. И жалел, что ему придется убить киммерийца.

План Радхара сработал безотказно. Серый предусмотрел все. Его репутация позволила ему с триумфом въехать в лагерь Конана.

Эпизод с Арапшей еще более укрепил позицию. Поединок с варваром поднял его авторитет почти вровень с авторитетом самого Конана. Сегодняшняя разгульная ночь давала ему возможность послать гонца к отборным трем тысячам турецких всадников, скрывавшимся неподалеку от лагеря, тихо прикончить Конана и начать резню перепившихся мунган, лишенных своего вожака.

Его людям был дан приказ воздерживаться и не позволять себе лишнего...

Единственное, чего не мог учесть Радхар, так это размеров разгула.

«Ничего,— думал он, чувствуя, что свинцовая голова предательски клонится на грудь, а глаза безудержно слипаются.— Не удалось сегодня, получится завтра. Завтра,— засыпая, думал шпион.— Завтра... ни капли. Ни глотка.»

Назавтра гулянье продолжилось.

Был день смены дозорных. Часть разбойников, позволивших себе с утра лишь по две кружки браги сели на коней и исчезли в лесу. А к обеду вернулись те, которых они сменили и, страдая от жажды, потребовали свою долю хмельного. Первую чашу подняли за возвращение, вторую за знакомство... и так пошло поехало...

Остаток дня Радхар еще как-то держался, а когда стемнело, он, случайно оторвав затуманенный взгляд от костра, увидел на небе две луны и подумал, что перстень-талисман, не стоит потраченных на него денег. Это была последняя его мысль, после чего в памяти наступил полный провал.

Наутро Конану вздумалось допытывать у Радхара, какие у него планы на будущее. Планы? У Радхара было придумано множество планов, один другого лучше, специально для этого разговора. Но сейчас он бессмысленно смотрел на киммерийца непонимающими глазами и никак не мог взять в толк, чего от него добиваются. Наконец он разжал губы:

— Дайте... воды!

Конан с сожалением посмотрел на знаменитого вожака неуловимой бандитской шайки и, с легким презрением поведя могучими плечами, подтолкнул к Серому кувшин.

Только сделав несколько огромных глотков, Радхар уразумел, что в кувшине была совсем не вода.

Он стремительно бросился к выходу из шатра. Конан со вздохом разочарованно поглядел ему вслед и допил то, что еще оставалось в кувшине, достал листок пергамента с планом какого-то строения, и стал внимательно его изучать.

Тем временем гульба в стане мунган продолжалась. Разбойники, едва успев пртереть глаза, начинали тревожно озираться — неужели вчера все выпили? К огромному облегчению многих, тут же выяснилось, что и сегодня будет, чем смочить глотку.

«Прекрасно,— думал Радхар, наблюдая картину просыпающегося лагеря.— Сегодня ночью их можно будет брать голыми руками, даже если они выхлебают в половину меньше вчерашнего. О, боги! Если бы Ездигерд знал, сколько раз он мог покончить с ними одним ударом, то давным-давно последний разбойник был бы посажен на кол в Хоарезме. Остаются еще дозорные, но и тут не должно быть сбоя. Карабат свое дело знает.»

Карабатом звали командира отряда туранской конницы, который уже треты сутки кормил со своими людьми москитов в болотах в семи-восьми лигах от лагеря Конана.

Радхар улыбнулся, с тайной гордостью подумав о том, как точно удалось ему определить местонахождение разбойниччьего стана. Никакого колдовства, чистая работа мысли! Нужно совсем немного времени, чтобы добраться до Карбата, и еще меньше, чтобы туранцы очутились здесь и окружили лагерь. Значит, с восходом луны можно послать гонца, а на рассвете Ездигерд избавится наконец, от головной боли, которую ему доставляет Конан со своими бандитами.

Побродив по лагерю и переговорив со своими людьми, Радхар вернулся в шатер киммерийца. Одного взгляда, брошенного на план, над которым склонился варвар, шпиону хватило, чтобы понять, что задумал северянин. Конан остро глянул на Серого, машинально прикрывая чертеж рукой, но после короткого раздумья, протянул ему пергамент.

— Взгляни, друг Радхар. Что на это скажешь? С деланным безразличием Радхар взял протянутый ему листок.

— Сильная крепость, хотя и небольшая,— равнодушно бросил он.— Собираешься

штурмовать?

Равнодушный тон дался Радхару нелегко. Перед ним лежал подробнейший план форта Дугари, но суть была не в плане и не в форте, как таковом. Недавно, в большой тайне, в эту отдаленную от столичной суэты крепость на границе со степью привезли огромную сумму денег, большую часть в золотых новеньких монетах с профилем Ездигерда. Деньги предназначались в для выплаты жалованья солдатам. Обычно в таких случаях казну везли прямо в Хоарезм в сопровождении целой армии. Но на этот раз почему-то сделали крюк, да еще какой, и к тому же задержали ценный груз в пограничном форте, отослав обратно в Аграпур, значительную часть конвоя.

И Конан успел об этом узнать!.. Когда? Тут Радхару пришло в голову, что все его тщательно разработанные планы, которыми он так гордился, весь его многодневный труд над картами, на которых он вычерчивал паутину линий, чтобы с достоверностью определить, где появится киммериец, все это было впустую. Несложно было догадаться, что Конан узнает о золоте в форте и стянет свою армию поближе к нему. Почему-то Радхару такое решение и в голову не пришло.

Шпион понял, что только по чистой случайности его встреча с киммерийцем состоялась. Это был такой удар по профессиональной гордости, что ему захотелось напиться.

— Да,— кивнул Конан.— Это форт Дугари.

— А! — с тоской произнес Радхар, но мозг его продолжал работать, лихорадочно соображая, как дальше себя вести. И тут его осенило! — Так, значит... — медленно произнес он, небрежно отбрасывая пергамент.— Значит, ты узнал?..

Прищуренные глаза Серого вонзились в варвара, как два илбарских кинжала, на скулах заходили желваки.

— Узнал — что? — усмехнулся Конан.

— Послушай, Конан, форт Дугари чуть ли не единственное место во всей округе, где туранцы могут нас не бояться. Там происходит обмен пленных, платят выкупы и свозятся налоги со всех приморских земель. Форт нужен всем! Найди мне вескую причину, чтобы брать его штурмом.

— Мне кажется, что ты ее знаешь,— с усмешкой бросил северянин.

— Знаю. Как и ты.— Радхар растянул губы в загадочной ухмылке.

Взгляд синих глаз киммерийца оставался насмешливым, карие глаза туранца смотрели зловеще, но на его лице ясно читалось разочарование.

— Брось, друг! — он хлопнул Серого по плечу.— Там всем хватит.

— Откуда ты узнал? — по-прежнему хмурясь, спросил Радхар.

— У меня надежные сведения,— уклончиво ответил киммериец и засмеялся.— Забавно, если выяснится, что и ты пользовался тем же источником, что и я.

«Сомневаюсь,— подумал шпион. Ему это было известно от самого Ездигерда.» Вслух же добавил:

— Я планировал напасть на форт на следующий день после нашей встречи. Но не получилось, как видишь. Возможно, золота в форте уже нет.

— Оно там,— успокоил его северянин, сверкнув белозубой улыбкой.— И будет там еще три дня. Успеем.

Радхар мигнул раз, потом другой. Все это сильно попахивало колдовством, если только киммерийцу не выдал тайну главный казначей королевства. Ну, и полетят же головы, когда Ездигерт об этом узнает.

— А как ты со своей сотней собирался брать штурмом Дугари? — спросил Конан.— Ты храбрец, я знаю и люди твои — хорошие бойцы, но ведь вы не сумасшедшие, верно? На что ты рассчитывал?

— Вот на это! — Радхар похлопал себя по лбу.— Прежде всего, на свою голову, друг. А кроме того, со мной сейчас не все люди. У меня еще около трех сотен в разных местах, но я решил проникнуть в форт, имея всего пятьдесят человек. План, который придумал я, не требовал присутствия большой силы... сейчас я, конечно, пошлю гонцов, пусть остальные подтягиваются. Если будем брать форт штурмом, то каждая сабля пригодится.

— Да, конечно,— кивнул Конан.— Но погоди! Расскажи мне о своем плане. Если можно обойтись меньшими силами, то зачем зря класть головы?

Радхар глубоко вздохнул. Он выиграл: гонца можно послать в открытую, не боясь дозоров, пора Карбату затягивать петлю на горле проклятых разбойников.

Все дело упростилось до смешного. А что касается Конана, то величайшему шпиону Империи ничего не стоило за несколько мгновений придумать вполне правдоподобный ответ.

— Подземный ход,— коротко бросил Серый и залпом осушил кубок, стоявший на столе. Язык и небо, почти потерявшие чувствительность, тем не менее не подвели: в кувшине находилось прекрасное аквилонское вино. Шпион изумленно уставился на дно сосуда.

— Слезы Деркэто! — воскликнул он, не в силах сдержаться.— Конан, это вино надо смаковать, а не пить как воду!

— Да, вино неплохое,— согласился киммериец.— Но давай ближе к подземному ходу.

Радхар взял пергамент, и несколькими уверенными штрихами обозначил то, чего на самом деле не было и в помине. Окрестности Дугари он знал, как свою бороду, поэтому, недолго думая, выбрал направление, с его точки зрения, наименее подозрительное. У него не было причины считать, что киммериец знает местность хуже, поэтому он не колебался и поместил начало подземного хода туда, где сама природа позаботилась о его потаенности.

— Здесь скалы, настоящий каменный лабиринт. Вход в подземелье — просто трещина в гранитной стене, к тому же скрытая давним обвалом. Кто не знает — никогда не найдет. Туннель узкий, лошадей не провести, так что придется лиги полторы идти пешком. А вот, где находится выход, этого даже я не скажу. Знаю только, что за стеной форта, но где именно...

Серый развел руками.

— Это ничего, вылезем, а там разберемся,— бодро ответил Конан. Синие глаза северянина горели азартом.— Клянусь Кромом, приятель, сама судьба свела нас с тобой!

Радхар мрачно улыбнулся. «Как любят варвары все списывать на судьбу,— подумал он.— Если бы не приказ Ездигерда и не мой тщательно разработанный план, то мы бы с тобой никогда не встретились, киммериец. Во всяком случае, не при таких обстоятельствах. Нет, друг Конан, на этот раз судьба здесь не причем.»

Вскоре Радхар покинул шатер северянина. Конан же еще долго сидел, задумавшись над куском пергамента, а потом с легким сердцем лег спать.

* * *

Он проснулся внезапно, как от толчка, мгновенно овладевая мыслями и чувствами. Способность спать по-звериному чутко не раз выручала его. Здесь кто-то рядом был.

Ладонь киммерийца сжала рукоять сабли, с которой он не расставался даже в постели. Чуть приоткрыв глаза, Конан быстро осмотрелся вокруг. В шатре явно не хватало света, несмотря на то, что в жаровне еще тлели угли.

Варвар, видевший в темноте как кошка, смог различить в почти абсолютном мраке лишь

неясную тень от центрального столба, поддерживающего свод шатра. Собственно говоря, в палатке больше ничего и не было: если и спали на полу, на дорогих коврах, с которыми пришлось расстаться какому-то вендиjsкому купцу. Походный сундучок, в котором хранилась войсковая казна и личные вещи Конана, стоял в изголовье.

Конан никак не мог понять, что же его разбудило. Стояла ночь, лагерь спал.

Утомленные пьянством разбойники сегодня рано угомонились, понимая, что нужно набраться сил перед грядущими событиями. Издалека донесся крик дозорного, потом приглушенный расстоянием смех.

Все было спокойно, но Конан привык доверять своим чувствам. Поэтому он лежал, не шевелясь, с виду крепко спящий, в действительности же в любой миг готовый к действию.

Вдруг он насторожился. Легкое движение, как полет паутинки, и такое же бесшумное. Чья-то невесомая тень скользнула к выходу из шатра. Через мгновение Конан был на ногах. Клинок коротко свистнул во тьме. Конан, повинувшись неожиданному порыву, в последний момент решил не наносить смертельного удара. Ночному гостю, кем бы тот ни был, сказочно повезло — на таком расстоянии киммериец никогда не промахивался. Одновременно варвар пихнул ногой на еще рдевшие угли лежавший рядом пук хвороста, сразу же вспыхнувшего с веселым треском.

— Кром! — изумленно выдохнул киммериец, увидев того, кто незваным проник в его палатку.

Прищурившись от неожиданного света, на расстоянии вытянутой руки от него, замерла женщина, облаченная в свободный черный плащ с капюшоном.

Увидев ее, Конан даже не подумал о том, кто она и как смогла проникнуть в сюда, минуя стражу на входе, как прошла через лагерь. Он даже не задался вопросом о том, что эта красавица, делает здесь.

Обычно Конан не терял так легко голову при виде стройной женской фигуры и прекрасного лица, но сейчас он был просто повержен неземной красотой своей гостьи. Женщина медленно опустила руку. Складки плаща дрогнули, открывая взору варвара то, что было скрыто под тонкой тканью — на короткий, но вполне достаточный миг, для того, чтобы кровь бросилась ему в лицо, а сердце часто-часто забилось. Под плащом больше не было ничего, и восхитительная белизна ее тела чуть не свела киммерийца его с ума.

— Кажется, я тебя напугала? — произнесла она приятным бархатным голосом.

Конан не обратил на слова внимания. Женщина и не ждала ответа, смотрела на варвара лукаво с нескрываемым любопытством. Губы ее тронула легкая усмешка, ясно говорящая: «И что ты теперь будешь делать?». Отстранено, будто и не он вовсе, а кто-то чужой и очень далекий, Конан понимал, что его заманивают. Но сейчас это не имело значения. Иногда рассудок вынужден уступить место чувствам, переполняющим человеческую душу. Порой бывало такое и с Конаном, но никогда еще желание обладать женщиной не было таким сильным. И варвар, отбросив саблю, прыгнул.

Женщина легко, даже слишком легко, ускользнула от тигриного прыжка могучего северянина, чья ловкость и стремительность не уступали его силе. Серебром зазвенел ее тихий смех.

— Ах ты... зверь! Хорошо! Но сначала поймай меня!

Словно порывом ветра отогнуло полог шатра, и чаровница выскользнула в серебристую ночь. Конан бросился следом.

Часовые у входа, спали. Этого просто не могло быть! Но Конан ничего не замечал, и тревога по поводу столь вопиющего нарушения дисциплины, которую он насаждал среди гордых и независимых мунган, не коснулась его сердца. Не видя ничего, кроме призрачно скользившей впереди фигуры в развивающемся черном плаще, он бросился в погоню.

Киммериец будто обезумел. Догнать, догнать — больше он думать не мог ни о чем. Стремительный бег нисколько не охладил его пыла, даже наоборот, еще больше разжег огонь в крови. Очень скоро беглянка исчезла в зарослях.

Перед черной стеной джунглей Конан ни на миг не остановился, врезался в нее, как разъяренный тур, с треском ломая ветки и сучья, зацепился за предательский корень и упал. Рядом раздался серебряный смех. Варвар мгновенно вскочил, рыча, словно раненый зверь. Пальцы вцепились в мягкую ткань плаща.

— Ага! — ликующе крикнул он, но с непостижимой грацией женщина выскользнула из одежды и снова побежала, легко, вроде бы и не слишком быстро, словно дразня, осталбеневшего от вида блестевшего в лунном свете обнаженного тела женщины.

Впрочем, замешательство его длилось недолго. Отбросив бесполезный плащ, он ринулся за ускользающей добычей.

Джунгли, залитые мертвенным светом полной луны, тихий шелест ласкаемых легким ночным бризом листьев, нестройный хорочных птиц, отдаленный рокот прибоя, дурманящий аромат тропических цветов и запах водорослей, такой густой, что у непривычного человека начинала кружиться голова.

Страсть. Звериные инстинкты. Необузданные желания.

Одежда Конану не мешала. Времени одеваться, после внезапного пробуждения у него просто не было. В одной набедренной повязке, босой, он не чувствовал ни ран от острых шипов, ни укусов москитов, которыми кишили приморские болота. Казалось, женщину эти мелочи и вовсе не беспокоили. Ее негромкий смех по-прежнему манил за собой. Она была близко, очень близко, но Конану никак не удавалось ее схватить. Это была уже не погоня, а сумасшедший бег, не разбирая дороги, напролом, сквозь колючий кустарник, через лужи с протухшей водой, по поваленным трухлявым стволам лесных исполинов. Женщина скользила впереди, почти не касаясь стопами земли, кружила между деревьев, будто танцуя. Ее серебристый смех доводил Конана до безумия. Огромный варвар, покрытый грязью и кровью, с всклокоченной гривой развевающихся по ветру волос, он напоминал безумного демона, вырвавшегося из преисподней. Киммериец дышал тяжело, пот заливал ему глаза, а девушка совсем не выглядела уставшей.

Он настиг ее на маленькой полянке, где рос мягкий, ласкающий кожу мох. Крохотный пятак, окруженный как часовыми, высокими деревьями. Стволы, лишенные у земли ветвей, были настолько светлыми, что в призрачном лунном свете казались отлитыми из серебра.

Конана поднял гибкое стройное тело на руки.

Тонкие трепетные, словно крылья руки незнакомки охватили его могучую шею, и жаркие губы впились в пересохший от бега рот варвара. Казалось, этому поцелую не будет конца. Не успевший отдышаться, Конан едва не задохнулся, но выдержал, не прервал эту сладостную пытку. С каждым мгновением горячие губы беглянки вливали в его кровь новые силы страсти. Нежные руки девушки гладили и ласкали его шею, плечи и спину. Упругая грудь с шелковистой прозрачной кожей, касалась его исцарапанной, и покрытой грязью высоко вздывающейся груди. Огонь любви не превратил его мускулы в тесто. Сильные руки, легко ломавшие шею быку, страстно стиснули тонкое, казавшееся таким невесомым и хрупким тело. Бережно поддерживая девушку, Конан осторожно опустился на колени, целуя ее плечи и грудь...

— Зверь, мой необузданный, страстный зверь! Чего же ты еще ждешь?

Но варвар еще не совсем потерял рассудок. Что-то смутно его беспокоило, удерживая на грани, за которой его ожидало неземное блаженство, не испытанное ни одним смертным. Сквозь птичьи трели, и шорох ветра в листве Конан смутно уловил далекий конский топот, лошадиный храп и лязг оружия. Варвар чутко насторожился, прислушиваясь к тревожному гулу.

— Иди же ко мне! Ты это заслужил! — шептали горячие губы женщины.

Конан вдруг начал озираться вокруг с совершенно безумным видом и краем глаза заметил неясное движение вдалеке, там, где край леса почти сливался с берегом моря и увиденное заставило его содрогнуться. Мгновением позже он стоял уже на ногах.

Женщина приподнялась, удивленно и гневно глядя на него полыхнувшими недобрый огнем глазами.

— Что с тобой? — нахмутившись, спросила она.

Кипящий яростью киммериец резко обернулся, но вдруг глаз его вновь уловил какое-то движение у горизонта. Конан застыл, напряженно всматриваясь в темноту. Сознание медленно прояснялось. Дурман, навеянный женскими чарами, неохотно отступал, и варвар постепенно стал приходить в себя. Прошло еще несколько долгих мгновений, прежде чем он, наконец, понял, что приковало его внимание.

С холма, единственного на много лиг вокруг, местность просматривалась далеко. Это было идеальное место для наблюдений, и пост тут, конечно был, вернее должен был быть, потому что дозорные как сквозь землю провалились. Но с этим он разберется чуть позже. Сейчас же его больше занимали неверные лунные блики, вспыхивающие на западе. Конан знал, что там шла старая дорога. Расстояние было слишком велико, чтобы уловить детали, и лунный свет не заменит солнечный, но опытный воин не мог ошибиться.

— Туранцы,— глухо произнес киммериец и медленно повернулся к женщине.

Выражение лица варвара заставило бы разбежаться целую армию. Ярость и боль плескались в его темно-синих глазах, сейчас казавшихся черными. Конан преобразился. От безумца охваченного страстью, не осталось следа.

Женщина, однако, даже не дрогнула. Вскочив с земли с легкостью и грацией дикой кошки, она приблизилась к варвару с искаженным от гнева лицом.

— Ты посмел оттолкнуть меня? — Резко вскинув голову, она бросила ему в лицо: — Не заставляй меня разочаровываться, киммериец! Пожалеешь!

Конан невольно отшатнулся, когда столкнулся с ее хищным взглядом. Снова необоримое желание обрушилось на него, и он грубо схватил ее за плечи. Она, закусив губы, смотрела ему прямо в глаза.

— Ну? — Голос ее прозвучал повелительно, но в нем слышалось и предостережение, и обещание.

— Там враги,— едва выдохнул варвар.

— Я не имею к ним отношения, если эта глупая мысль вдруг тебя посетила. И ты их можешь не опасаться, пока находишься рядом со мной.

— Мои люди...

Она медленно покачала головой.

— Ты со мной. Сейчас. Здесь.

Слова давили, как гранитные плиты, сминая, подчиняя себе его волю. Конан чувствовал, что задыхается.

— Чары,— прохрипел он.— Кто ты, ведьма?!

— Я? — Она рассмеялась.— Я — ведьма? О, нет! Слишком низко ты меня оценил! Взгляни внимательней, глупец! Я — бессмертная любовь, необузданная страсть, я — стихия! Я — океан желаний! Твоих желаний, киммериец. Ты все еще не узнал меня, чье имя ты недавно помянул, поклявшись четырьмя стихиями!

Конан попятился. Он, который не дрогнул бы и перед сотней вооруженных до зубов бойцов, ни перед самыми страшными и коварными магами хайборийского мира, был повержен силой оскорбленной женщины. Но он еще пытался бороться. А время шло. Убегающие мгновения жгли его душу расплавленным свинцом. Кто из людей мог коснуться богини?!

— Прости, великая Деркэто,— выдавил из себя Конан.— Но...— Он судорожно сглотнул, подавляя стон.— Отпусти меня.

Она отступила на шаг, хищно улыбнулась. Невесть откуда взявшийся плащ, на этот раз белый, окутал мягкими складками ее плечи.

— Разве я держу тебя? Если хочешь, иди. Решай, киммериец, но только быстрее.

Презрение, прозвучавшее в ее голосе, вдруг всколыхнуло в душе Конана волну гордости. Он тоже отступил, поднял голову и с вызовом взглянул на нее.

— Я решил.

— Но решишься ли?

Уже повернувшись, он с горечью бросил через плечо:

— Прощай и прости. Я не могу иначе... — И тут же пожалел о вырвавшихся словах.

Бегом вниз по склону, все быстрее и быстрее к мерцающим огням солнного лагеря.

* * *

— Что с часовыми? — негромко спросил Радхар.

— Карим и Сахен свое дело знают,— тихо ответил из тьмы Арапша.

— Будем надеяться,— пробормотал про себя шпион.

Он немного нервничал. И без Арапши отлично знал, что посланные им люди справляются с убийством дозорных без особого труда. Карима и Сажена он знал давно и не раз имел возможность любоваться их виртуозной работой.

Радхар с тревогой смотрел на холм. На десятки лиг окрест — единственная возвышенность, с которой все побережье видно как на ладони. А в такую лунной ночью видно особенно далеко. Могут ведь и заметить то, что видеть совсем не нужно.

Хотя Карабату дан четкий приказ, но всего не предугадаешь. Блеснет в лунном свете начищенный шлем или серебряный эфес, лошадь всхрапнет не вовремя — и все пропало! Он не мог рисковать. Поэтому Радхар, с первых мгновений своих пребывания в лагере мунган стал ненавидеть этот холм.

Радхар и его люди рассыпались в зарослях, прячась в их густой тени. В лагере почти не осталось растительности, что повырубили, что повытоптали, но тут и там пробивались кусты и небольшие деревца, где лазутчики и ожидали сигнала.

К моменту снятия дозора на холме, Карабат должен был окружить лагерь мунган, оставив открытым лишь выход к морю. О дальних постах туранцы позаботятся сами, в этом им помошь окажут маги, способные точно определить местонахождение человека за лигу. Всех магов Радхар лично проверял — так, мелочь, конечно, но благодаря кое-каким колдовским амулетам, вряд ли они ошибутся. К тому же расположение постов мунган Радхар отлично знал о чем, конечно же, уведомил Карабата.

Ближние посты уже были уничтожены людьми Радхара. Кроме дозора на холме, сотри его Эрлик с земного лика!

Дождавшись условленного знака, Радхар, Арапша и еще трое должны проникнуть в шатер Конана и покончить с киммерийцем. После этого в лагере начинается резня. Шум и суматоха послужат сигналом к атаке Карабата, который к этому времени обязан перекрыть все дороги.

Радхар до боли в глазах всматривался в нечеткие очертания холма, нервно покусывая тонкие губы. Времени почти не осталось.

— Знаешь, что это за холм? — спросил он у Арапши. Гирканец безразлично пожал плечами.

— У юэти есть легенда, будто не вершине этого холма иногда являлась та, которую мы называем Деркэто.

— Неужели сама богиня любви?! Я бы не пожалел одного глаза, чтобы оставшимся взглянуть на нее!

Радхар посматривая, то на холм, то на небо, тихонько рассмеялся:

— Глазами съят не будешь... тем более, что у тебя останется всего один. Разве ты не знаешь, что смертным запрещено зреть лицо божества?

— А тело? — грязно ухмыльнулся Арапша. Радхар покачал головой:

— Можешь потерять голову вместе с глазом... и душу. Юэти наделяют свою богиню иными качествами, чем мы — Деркэто. У нас она богиня любви, а у них мать всего сущего, понимаешь? Другими словами, хозяйка человеческих судеб. Юэти считают себя ее детьми. Рассказывают, что она может появляться в лунные ночи, такие, как сегодня, то в образе прекрасной девы, то в виде беременной женщины. А если увидишь горбатую старуху с окровавленным топором, считай, приятель, тебе крупно не повезло.

— А что, действительно, видели?

— Не знаю. Юэти очень древний народ. Они жили на берегах Вилайета еще в те времена, когда наши предки только начали Великое переселение с востока. Сейчас племя их вымирает. Древние легенды путаются с преданиями, уже позаимствованными от нас. Не думаю, что их Деркэто прежде звалась этим именем. Но камни и горы на их головы! — Радхар выпрямился и сжал кулаки.— Больше ждать невозможно. Неужели не удалось?

— Но и тревоги никто не поднял,— успокаивающе заметил Арапша.

— Что-то не так,— сквозь зубы процедил Радхар.— А Карабат уже близко! Хватит и одного мунганина, чтобы поднять в лагере переполох. Предупреди людей, мы идем к киммерийцу!

* * *

Часовые мунгане умерли безболезненно, во сне. Они были усыплены перед тем, как Конан и ночная гостья поднялись на холм, а сейчас просто попались на пути метавшейся в гневе богини. Так же мгновенно были убиты Карим и Сахен. Разум разъяренной женщины был занят планами мести отвергшему ее благосклонность варвару. Последнее, что они увидели, было летящее прямо в лицо лезвие огромного топора, казавшееся черным в мертвенному свете луны.

Сгорбленная, одетая в лохмотья старая ведьма даже не взглянула на свалившиеся мешком у ее ног тела. Не глядя, протянула руку, и рукоять секиры послушно легла на ее ладонь. Так же мгновенно она могла убить киммерийца. Но Конан заслужил другую участь.

— Ты потеряешь свою силу, неблагодарный варвар. Кхе-кхе,— рассмеялась ведьма дребезжащим старческим голосом.— И удача покинет тебя!.. Лишь истончится серп луны, как мое проклятье исполнится!

* * *

Часовые, стоявшие на страже у входа в шатер Конана, честно исполняли свой долг: лениво перегибались, опираясь на копья. Мысль о том, чтобы подремать хотя бы по очереди даже не приходила им в голову. Оба знали, что их ждет в случае нарушения. Впрочем, обижаться было не на кого. Мунгане сами решили оказывать вождю уважение, поставили отдельный шатер и дали телохранителей. Заснувшего на своем посту, подняли бы на копья так же быстро, насколько быстр был на руку палач в Аграпуре. Эти двое и не подозревали, что проспали почти полночи, заснув, словно лошади, стоя. Не ведали, что человека, за жизнь которого они отвечали, все это время не было в шатре. Не знал этого и Радхар со своими головорезами, иначе мунганское войско не потеряло бы двух своих лучших бойцов.

Две короткие отравленные стрелы, погрузили их в сон, куда более глубокий, чем тот, в котором они пребывали. Сильные руки подхватили обмякшие тела, не дав им упасть на землю, чтобы звон доспехов не достиг ушей киммерийца.

Каждое движение было многократно отточено, каждый человек знал, что ему делать. Радхар рванул полог, в длинном прыжке пролетев половину шатра, мягко приземлился на руки, и мгновенно развернулся, стоя на одном колене, с обнаженной саблей в руке.

Вторым ворвался Арапша, ему предназначался удар киммерийца, если варвар успеет проснуться и вскочить со своей лежанки. Схватившись с гирканцем, Конан уже не смог бы избежать смертоносного выпада Радхара. Еще трое готовы были прийти им на помощь в любое мгновенье. Но в шатре не было никого.

Прошло не так уж мало времени, прежде чем Радхар вновь обрел дар речи.

— Прочь отсюда! — прорычал он, опрометью бросаясь вон из палатки.

Арапша задержался, чтобы вытащить стрелы из трупов, и бегом догнал остальных.

— Где же он? — выдохнул гирканец, не успев перевести дух. — Где этот шакал.

Радхар до крови закусил губу. Его изощренный ум с бешеною быстротой просчитывал возможные варианты. Самым благоразумным казалось сейчас приказать Карабату убраться со своими тысячами прочь от лагеря. К тому времени, когда обнаружат тела двух убитых мунган, его конница уйдет уже далеко.

— Что будем делать, господин? — голос Арап-ши срывался.

Ответить Радхар не успел. От дальних костров донесся, слегка приглушенный расстоянием, громоподобный рев, полный нечеловеческой ярости.

— Тревога!

И это предупреждение накатывающимся океанским прибоем прокатилось над спящим станом.

— А вот и киммериец, — спокойно произнес Радхар.

Только побелевшее лицо выдавало ту бурю чувств, которая клокотала в его душе. Но Радхар не дожил бы до своих лет, если бы не умел даже ошибки обращать себе на пользу. Болван Карабат чем-то выдал себя раньше времени. Сейчас будет бой с сомнительным исходом. Что ж, прекрасно. В неразберихе все может случиться. Если же нет, то еще остается форт Дугари. Несмотря ни на что, Конан от него не откажется.

Убить киммерийца — вот главная его задача. Сборище мунган без варвара немногого стоит. Достаточно удара в спину в пылу боя, одной случайно пущенной стрелы. Все остальное значения не имеет, пусть даже здесь умрут все гвардейцы Карабата,

— Арапша, передай всем — забыть о том, кому мы служим. Драться так, будто вы родились мунганами. Конана, если представиться случай, убить. Но действовать только наверняка. Если будет хоть доля сомнения, киммерийца не трогать. В общей свалке у нас шансов мало, а доверие варвара нам еще пригодиться. Пошли!

Разбойники блеснули такой выручкой, что самый придирчивый сотник туранской армии

гордился бы такими солдатами. Еще совсем недавно спящие воины, в мгновении ока, без суматохи оказались на ногах с оружием наготове, сбивались в десятки и сотни.

Лошади нетерпеливо рыли землю копытами, но садится в седла никто не спешил, понимая, что в темноте у конницы преимущество немногого.

Карабат об этом, наверное, не подумал. Гвардейцы подошли слишком близко к лагерю, когда там подняли тревогу. Рассчитывая, что мунгане не успеют подготовиться к отпору, лучший тысячник Ездигерда скомандовал атаку.

Туранцы еще не успели выбраться из зарослей, когда мунгане их молча атаковали. Они были повсюду: прятались в кустах, сыпались на головы с веток деревьев, били в лицо и в спину...

У туранцев оставался единственный путь — уже не к победе, а к спасению — вперед на широкое пространство лагеря, где есть место построить конницу, и можно встретить врага лицом к лицу.

Но, прорвавшись через колючие заросли, потерявшие командиров, туранцы встретили перед собой многочисленные крепко сбитые ряды. Впереди, на рослом вороном жеребце, во весь опор прямо на них несся обнаженный гигант, размахивая кривой зуагирской саблей.

В свете равнодушной луны и догорающих костров вспыхнула яростная битва. Лязг оружия, ржание лошадей, крики и стоны заставили в испуге умолкнуть голоса лесных зверей и птиц.

Растерянные туранцы подались назад, обратно к влажным зарослям, где их также ждала смерть. Но недаром солдаты Ездигерда завоевали почти полмира. Их стойкость, отменная выучка и железная дисциплина вошли в поговорку у народов хайборийского мира. К тому же, отряд Карабата имел почти трехкратный перевес в численности. Сквозь джунгли прорывались опоздавшие к началу схватки гвардейцы и сходу врубались в ряды мунган. Имеющие отличные доспехи, в тесной схватке они имели явное преимущество перед легковооруженными разбойниками.

Радхар держался недалеко от северянина и так усердно размахивал саблей, что вскоре враги стали его избегать, уступая дорогу без боя. Он упорно прорывался к варвару, и был близок к своей цели, когда над полем прохрипел турецкий рог и их атаковали свежие сотни туранцев. Битва вспыхнула с новой силой, и нахлынувшая волна стальной конницы развела его с киммерийцем. Серый плонул с досады и выплеснул свою ярость на гвардейцев Ездигерда.

Вдруг он спиной почувствовал нечто, отчего страх и холод закрались под сердце шпиона. Радхар поднялся в стременах, с ужасом оглядывая поле боя, едва успевая отбивать сыпавшиеся на него удары. А когда он увидел, первым его желанием было вырваться из гущи сражения и мчаться отсюда подальше, пока не загонит коня. Но вокруг была невообразимая толчая, где люди вдохновенно резали и рубили друг друга, и о бегстве можно было забыть. Серый сжался в седле, прикрывшись саблей словно щитом, и неотрывно глядел лишь в одну сторону. Там, словно невидимый жнец войны, сквозь ревущую и стонущую толпу, шла сгорбленная фигура, закутанная в черный плащ, с огромным окровавленным топором в руках. Чудовищный топор мерно поднимался и опускался, круша без разбора и мунган, и туранцев, оказавшихся на пути старухи.

За черной старухой оставалась широкая кровавая просека, быстро исчезающая во всеобщем водовороте. Ужасный призрак поравнялся с Радхаром и на мгновение замедлил шаги.

Сердце Серого оборвалось, когда его ожги испепеляющим взглядом из-под глубоко надвинутого капюшона — в пустых безжалостных глазницах бушевал пламень самой преисподней. Затем она двинулась дальше, и шпион вздохнул с облегчением, а вот киммерийцу не повезло, он находился прямо на ее пути. Как же был удивлен Радхар, когда вместо того чтобы сразить проклятого варвара богиня обняла его за плечи и нежно поцеловала. Серый закрыл глаза, прогоняя видение, а когда открыл, кругом кипела яростная битва. Призрак Деркэто исчез, как не было.

От зорких глаз киммерийца не ускользало ничего, он дрался наравне со всеми и успевал следить за ходом боя. Варвар уже поверг под ноги лошадей двух сотников в посеребренных доспехах и искал хищным взором туранского начальника. Пока мунгане не понесли больших потерь, но что будет, когда в битву вступят все силы туранцев? Когда он выбирал место для лагеря, наметил и пути отхода, на случай если их прижмут к морю. Правда, ни сам Конан, ни его командиры не верили, что это может случиться. Что придется принимать бой в самом лагере, ночью, да еще в окружении. Не верили, что их могут застать врасплох, уничтожив и дальние, и ближние дозоры. Не верили, но на всякий случай готовились. По пронзительному, перекрывшему грохот боя свисту, мунганская конница вдруг отхлынула, оставив между собой и туранцами пустое пространство, заваленное телами людей и животных.

Пораженный увиденным, Радхар, не сразу заметил, как на него налетел плотный туранец с копьем наперевес. Серый запоздало поднял своего жеребца на дыбы, и копье с хрустом ударило несчастное животное в грудь. Удар был настолько силен, что оба всадника чуть не вылетели из седел. Конь Серого, словно скошенный тростник, опрокинулся на бок. Нога шпиона запуталась в стремени, и он грязнулся на землю вместе с лошадью. Прижатую седлом ногу жгла нестерпимая боль. И в этот миг над полем разнесся громкий с переливами свист. Разбойники изобразили отступление, пустив коней с места в галоп. Теперь Радхар думал лишь о том, как ему уцелеть от мелькающих тут и там конских копыт. Да еще этот туранец, что так ловко спешил его, кружился рядом, словно коршун над кроликом. Дважды он пытался достать Серого саблей, но тому каким-то чудом удалось отразить удары, отдалавшись глубокой царапиной через весь лоб.

Ухмыляющийся туранец низко свесился с седла и пошел на третий заход. Радхар мысленно простился с жизнью, но неожиданно лошадь противника понесла его прочь с брезвально обмякшим на спине седоком. Шпион с трудом поднял голову, глаза его заливалась кровь. Сверху на него не мигая смотрел холодный взгляд киммерийца. Несколько долгих мгновений они мерили друг друга взглядом, а затем Конан протянул ему руку. Сейчас Радхар бы предпочел, "чтобы это была вендинская кобра, но жажда жизни заставила его вцепиться мертвкой хваткой в руку варвара. Могучим движением плеча Конан вырвал его из-под лошади и щвырнул на седло перед собой. Рывок отозвался дикой болью в ноге, и шпион потерял сознание. Достигнув неровного строя разбойников, северянин грубо сбросил потерявшего сознание Серого на руки подбежавшим воинам.

— Глаз с него не спускайте, головой отвечаете! — рявкнул он, поворачиваясь лицом к противнику.

Уловка мунган не совсем удалась, кое-кто из разбойников не успел отойти, завязнув в строю туранцев, многие из которых потянулись за отступающим врагом. Но главное было достигнуто — мунгане плотно сбились в один кулак, а их противник представлял собой рыхлую, беспорядочную толпу. В распоряжении разбойников было всего несколько коротких мгновений. Благодаря своей прославленной выучке, конница Ездигерда могла сомкнуть ряды за считанные удары сердца. Но своего шанса мунгане не упустили.

Воздух наполнило басовитое гудение тяжелых стрел, сотнями пронзивших предрассветный сумрак. Кольящущаяся масса туранцев представляла собой отличную мишень. Лучники в яростной спешке рвали тетивы луков. Неважно куда попадает стрела — в коня или всадника, неважно, какую рану она нанесет: лишь бы вывести врага из строя, заставить его зубами скрипеть от боли, не дать сомкнуть стальные ряды.

Смертоносный шквал продолжался недолго, пока не кончились стрелы в колчанах. Но эти мгновения стали для туранцев настоящим кошмаром. Небольшие круглые щиты не могли защитить их от тучи стрел. Люди и лошади валялись десятками. О тела павших спотыкались и падали на землю ошалевшие, еще не задетые стрелами кони, подминая под себя седоков.

Однако, несмотря на потери, туранцы были еще сильны, но и натура киммерийца, которого никто не мог бы упрекнуть в трусости, была противна сама мысль об отступлении. Он оглядел свое пестрое воинство, прочтя в десятках лиц непоколебимую решимость, и скомандовал атаку.

Мунгане налетели на не успевших опомнится туранцев, словно стая голодных демонов, с диким воем, визгом, хохотом, в которых не было уже ничего человеческого...

* * *

Мунгане разбрелись по полю, отыскивая раненых и обирая мертвые тела. Все были заняты делом. Никто не проявлял восторгов по поводу одержанной победы: сказывалась усталость и сознание того, что разгром туранцев дался им слишком дорогою ценой — треть войска пала во время последней атаки, когда в тесноте и давке пошли в ход ножи и зубы. Туранцы дрались отчаянно, но не выдержали и бросились бежать.

Почти все они полегли, мунгане гнали их несколько лиг. Только единицам удалось скрыться в джунглях.

Посланные Конаном разъезды прочесывали лес и берег моря. Приказ киммерийца был суров и прост: ни один туранец не должен добраться до форта Дугари, прежде чем до него доберутся разбойники.

Конан молча стоял у своего шатра, который каким-то чудом уцелел во время побоища. Настоящие горы из трупов громоздились неподалеку, а здесь лежали только два тела. Стиснув зубы, северянин вошел в палатку, и вышел через некоторое время, уже не в набедренной повязке, а полностью одетый в походный костюм. По каменному лицу, было трудно судить о том, что творилось в его душе, лишь сузившиеся темно-синие глаза говорили о кипевшей в ней боли и ярости.

С утра у киммерийца все валилось из рук. Он чувствовал смертельную усталость, а тело ломило так, будто его ночь напролет топтала вся туранская конница. Кусок мяса не лез в горло, и даже аквилонское вино казалось кислым, а уж такого с ним раньше никогда не бывало. Вспоминая события минувшей ночи и сопоставляя их, Конан сделал для себя единственно верный вывод — предательство! Взмахом руки варвар подозвал к себе одного из своих помощников. Тот подошел, держась рукой за распухшую скулу.

— Приведи ко мне Радхара, я хочу поговорить с ним! Можешь привязать его за хвост лошади, если он сам не пожелает идти! — строго приказал варвар и скрылся в шатре.

Нимало удивленный таким приказом и гневным голосом вождя, помощник со всех ног бросился на другой конец лагеря.

Некоторое время спустя, Радхар, опираясь на обломок копья, вошел в палатку киммерийца.

Конан с мрачным видом сидел на сундуке, поигрывая кинжалом. При появлении шпиона он оторвался от своего занятия и взглянул ему прямо в глаза. Сердце Серого заледенело: в синих глазах северянина бушевала буря, какие только и можно представить в суровых и негостеприимных краях, откуда киммериец был родом.

— Из-за тебя погибли мои люди... Готов ли ты принять смерть, как мужчина? — спокойным голосом спросил он.

— Ты спас мне жизнь вчера, чтобы лишить сегодня? — гордо вскинув голову, вопросом на вопрос ответил Серый. — Теперь я твой должник.

Конан вздохнул, покачал головой.

— Ты станешь отрицать свою вину? Это недостойно тайного советника владыки Турана. Слышал, Ездигерд тебя очень ценит?

Радхар не сразу нашелся с ответом, ошеломленный осведомленностью киммерийца. А когда заговорил, то слова давались ему с трудом:

— Жаль, что ты поссорился с Илдизом. Сейчас был бы уже эмиром. И давно ты меня разгадал?

— В бою,— коротко бросил Конан.— Не нужно быть большим мудрецом, чтобы сопоставить цепь событий. С первых дней ты искал со мной драки, чтобы после занять мое место, а без меня эта армия развеется в прах; ты попытался навязать мне ложный план взятия Дугари — я знаю эту местность, там нет подземного хода; а вчера ты отправил гонцов за подмогой, но вместо них пришли туранцы. Нужно ли еще продолжать?

— Достаточно! Все верно... Ты выиграл, киммериец, я искренне восхищен тобой. Жалею, что нам не суждено стать друзьями.

— Ты тоже нравился мне, Радхар. Вчера мы дрались плечом к плечу, и я спас почти друга. Сегодня пришло время ответить за свое предательство... А ведь ты мог ударить мне в спину.

Серый молча проглотил прозвучавшую в словах варвара насмешку и, поборов свою гордость, твердо сказал:

— Я твой должник, Конан. Пусть ты и спас мне жизнь лишь для того, чтобы предать лютой смерти, но прежде, чем предстать перед Эрликом, я хочу вернуть тебе долг.— И тут Радхар, повинувшись какому-то внутреннему порыву, рассказал киммерийцу о черной старухе с окровавленным топором, и древних поверьях юэтши.— Тот поцелуй — проклятие богини, которое исполнится до новолуния. Можешь не верить мне, но чем-то ты прогневал Деркэто.

К концу рассказа варвар уже нервно расхаживал по шатру. Вид его был взволнован, лицо посерело.

— Ерунда! — крикнул он, останавливаясь перед Радхаром, и пронзая шпиона колючим взглядом.— Ты лжешь, спасая свою жизнь! Как мог ты видеть то, чего не видели больше ничьи глаза!?

— Все очень просто — ведь я юэтши,— выдерживая взгляд киммерийца, невозмутимо ответил Радхар.— Иногда боги являются своим детям.

— Юэтши? Ты — юэтши?! — поразился Конан, бессильно опустившись на лежанку.

— Клянусь Кромом, если бы ты не стоял перед лицом смерти, никогда бы в это не поверил!

— Ну вот, хоть что-то тебе обо мне не известно,— усмехнулся Радхар.— Доверься мне, Конан, расскажи, чем ты не угодил богине и быть может, я сумею тебе помочь. А после ты волен предать меня смерти.

Варвар пребывал в замешательстве: он не верил пустым суевериям, если бы собственными глазами не видел прекрасную богиню, не обнимал ее волнующее тело вот этими самыми руками. Предупреждение в словах Деркэто, прозвучавшее на прощание, сейчас, словно запоздалое эхо, гремело у него в голове. Мозг лихорадочно работал, и картина вырисовывалась неутешительная. «Но можно ли доверять Радхару?»

— Ты говоришь, что богиня является в образе юной девы? — растягивая слова, спросил он.

— Боги вольны принять любое обличье. Решай, Конан. У тебя в запасе всего пары дней, — пожал плечами Серый.— Что будет после этого срока, известно только богине.

Киммериец окинул шпиона угрюмым взглядом из-под наспущенных бровей и вдруг решился, рассказав все без утайки, словно хотел снять с себя тяжкий груз. Когда он дошел в рассказе до места, где оттолкнул от себя Деркэто, Радхар многозначительно присвистнул.

— Дальше можешь не продолжать. Ты поступил очень глупо,— искренне посочувствовал ему Серый.— Она могла бы тут же тебя уничтожить, но видно приготовила что-то более

страшное. Однако я знаю способ, как вытащить тебя из этой беды.

— И что для этого следует делать? — упавшим голосом спросил Конан.

— Украдь топор старухи,— не моргнув глазом, ответил турانец.— Чтобы вернуть себе топор богиня снимет с тебя проклятие.

— Только-то и всего! — не удержался от смеха варвар.— Ладно, ты вволю потешился надо мной, теперь настал мой черед.

Конан уже поднимался на ноги, чтоб позвать стражу, когда Серый настойчиво произнес:

— Выслушай меня до конца, северянин. Украдь топор совсем не просто. Но можно, только для этого тебе придется стать юэтши.

— Ты верно забыл, что я киммериец,— нетерпеливо отмахнулся варвар.

— Обряд приобщения к роду, мог бы сделать тебя юэтши,— нажимал Радхар.

— Да уж не ты ли совершишь этот обряд?

— Нет, не я. Но здесь недалеко есть деревенька рыбаков, где тебе сумеют помочь.

Киммериец с недоверием посмотрел на шпиона. Спасай сейчас Радхар свою шкуру, он вряд ли бы смог сочинить на ходу такую невероятную историю. Конан неожиданно поймал себя на мысли, что почему-то ему хочется верить Серому.

— Хорошо, едем к твоим рыбакам,— наконец согласился он.

— Мы отправимся туда вечером — сейчас все мужчины на промысле, а женщины попрятутся в лесу, лишь только нас заметят. Юэтши слишком мирный народ, и многие этим пользуются, причиняя зло.

Радхар понемногу становился самим собой — спокойным, расчетливым, уверенным в себе, каким он был всегда — с тех времен, когда оставил навсегда рыбакскую деревушку в поисках лучшей доли.

— Что ж, будь по-твоему. Но не пытайся обмануть меня, Радхар, иначе смерть твоя будет ужасна.

* * *

Вдвоем, стремя в стремя, они ехали берегом моря. Волны купались в закатных лучах. Чайки с недовольными криками уступали дорогу двум мрачным всадникам и долго еще кружили над пенным прибоем. Радхар неуклюже сидел в седле, раненая нога нестерпимо болела, но гордый юэтши ничем не выдавал своих чувств.

Конан и вовсе не походил на себя: плечи киммерийца осунулись, голова по-стариковски клонилась на грудь, в глазах уж не горел тот яростный огонь, с которым варвар врывался в ряды врага и поднимался на стены крепостей. Перемены были столь разительны, что, когда он проезжал лагерем, разбойники с трудом узнавали своего вожака и с удивлением смотрели вслед.

— Чем ты обязан Ездигерду? — спросил северянин.— Ведь ты даже не туранец!

— Не Ездигерду.

— А кому? Илдизу?

— Да. Волею судьбы он подобрал на меня, подыхающего с голода в трущобах Аграпура. Покойный король любил иногда, надев простое платье, потеряться среди городских отбросов — в сопровождении переодетых телохранителей. Не знаю, какая муха его укусила, но он взял меня во дворец. С тех пор я верно служил ему, а потом — его сыну. Ну, вот мы и приехали.

Конан огляделся по сторонам. Деревня юэтши приютилась у самой кромки воды. Несколько

рыбацких лачуг, собранных из жердей, камышовые крыши, грубые печи на улицах и пропитавший все насквозь запах рыбы не произвели на него впечатления. В центре селения высился большой дом, больше похожий на хлев, чем на жилое строение. На берегу лежали лодки, выдолбленные из цельных стволов. Тут же сушились сети. Ватага шумных ребятишек гоняла по уложкам деревушки одинокого барана, жалобно взывающего о помощи, но, заметив двух грозных всадников, кинулась врассыпную. Вслед за этим на улицы высыпали мужчины: невысокого роста, с косматыми челками, ниспадающими на глаза, в жалких отрепьях, какие и нищий бы постеснялся одеть, насквозь продубленные солью и черные от загара. Однако жилистые руки уверенно и твердо сжимали гарпуны и остроги, направленные на двух незнакомцев.

Киммериец едва нашел в себе силы слезть с лошади. Пройдя несколько шагов, утопая по щиколотку в сыпучем песке, он остановился перевести дух, чувствуя себя столетним стариком.

Радхар выступил вперед, широко расставив руки, обращенные открытыми ладонями к воинам, и заговорил с ними на непривычном для слуха северянина свистящем языке.

Из группы мужчин вперед выступил худой сутулый воин, с осторожным прищуром глаз. Он внимательно слушал Радхара, признав в нем своего, изредка перебивая односложными вопросами, но на Конана смотрел с недоверием и неприязнью. Серый говорил долго, киммериец устал ждать, и нетерпеливо положил руку на его плечо.

— Это Сават, он вождь племени. Юэтши согласились нам помочь, хотя и опасаются гнева богини. Тебе здорово повезло, Конан. Они говорят, что твои воины часто приезжали в деревню и покупали у них рыбу. Это был честный торг, без обмана.

— Скажи им, что я щедро заплачу, если они выполнят условия договора,— сказал варвар и потянулся к спрятанному в поясе кошельку.

— Этого не следует делать,— Радхар поспешил остановил его руку.— Тебе оказывают честь, а своим золотом ты их только обидишь.

Конан удивленно пожал плечами.

— Тогда давай, побыстрее покончим с этим. А то боюсь, когда мы доберемся до главного, у меня сил не хватит поднять этот проклятый топор.

Радхар перевел слова киммерийца Савату, и тот энергично закивал головой, приглашая двух путников, следовать за собой. Юэтши, что поможе, разбежались по всей деревне, собирая жителей на столь необычное зрелище. Вскоре у дома в центре селения собралась толпа. Мужчины ободряюще смотрели на Конана, расступаясь перед северянином, женщины над чем-то хихикали, и прятали насмешливые глаза.

— Послушай, почему они все смеются? — нахмурился варвар.— Я, кажется, забыл спросить тебя, в чем заключается смысл обряда?

— Тебе понадобиться все твое мужество,— лукаво улыбнулся Радхар.— Мне помнится, ты не слишком лестно отзывался о женщинах рыбаков.

— Какое это имеет отношение к делу? — удивленно вскинул брови варвар, замедлив шаг.

— Самое прямое,— простодушно ответил Серый, и улыбка на лице шпиона стала еще шире.
— Скоро ты сам все поймешь, а пока идем, друг Конан, не стоит останавливаться на полпути. Надеюсь, к концу церемонии я смогу называть тебя своим братом.

Они уже подходили к дому, когда перед ними распахнулась дверь и на пороге появился старик, такой древний, что был похож на гнилое яблоко. Все его тело и даже лицо покрывала причудливая татуировка, на Шеи и груди висело множество зловещего вида амулетов. Радхар поздоровался, низко поклоняясь старику. Удивительно молодым, чистым голосом старики ответил.

— Это местный колдун,— пояснил Серый,— он приветствует нас и одобряет твое решение стать юэтши. Входи, Конан, к обряду уже все готово.

Киммериец с сомнением покосился на шпиона, затем на старика, и, тяжело вздохнув,

шагнул внутрь. Вслед за ним потянулись и все жители деревушки. В центре дома горел огонь в очаге. Над пламенем, удерживаемый на медной треноге, закипал огромный котел. Дым поднимался к потолку и исчезал в специальном отверстии в крыше. Мужчины, женщины и ребятишки, рассаживались вдоль стен на тростниковых циновках, оживленно переговариваясь друг с другом. Когда все устроились, колдун повелительным жестом успокоил толпу, и, взяв киммерийца за руку, повел к огню.

— Иди с ним и делай все, что он велит,— напутствовал его Радхар.

Колдун вдруг затянул какой-то унылый мотив, и песня тут же была подхвачена всеми юэтши. Старик жестами стал объяснять, что Конан должен раздеться. Варвар повиновался и сбросил с себя тунику. Колдун удовлетворенно покачал головой и дал понять, что следует снять также сапоги и штаны, и не успокоился до тех пор, пока киммериец не остался в одной набедренной повязке. Юэтши приветствовали эти действия громкими криками. В руках у старика появился маленький деревянный ковш и, зачерпнув воды из котла, он стал поливать ею Конана. Северянин не возражал, хотя вода и показалась ему чересчур горячей. Потом старики хлопнули в ладоши, и его помощники расстелили на полу одеяло, сшитое из нескольких звериных шкур. Вслед за этим на центр комнаты вышла женщина в необъятно просторной рубашке, лукаво глядя на киммерийца, и легла на одеяло. Под смех и улюлюканье толпы женщина стала кричать и кататься на мягких шкурах. Конан с удивлением следил за этими приготовлениями и все больше мрачнел. Колдун, оживленно жестикулируя, пытался ему что-то втолковать, показывая на бьющуюся в судорогах женщину. Варвар окаменел лицом, когда узнал в ее действиях поведение роженицы. И тут он, наконец, понял, что так настойчиво объяснял ему колдун, подталкивая к женщине. Конан кинул яростный взгляд на хохочущего вместе со всеми Радхара, и на негнущихся ногах шагнул навстречу своей участи.

«Ладно, пусть это быстрее закончится,— решил он и быстро нырнул в просторную рубашку». Словно гигантский змей киммериец проскользнул сквозь этот балахон и выбрался с другой стороны. Колдун был тут же, заголосив явившимся в мир младенцем. Юэтши вторили ему, покатываясь со смеху.

— Это еще не самое страшное, Конан! — воскликнул Радхар.— Тебя ждет более суровое испытание.

Так варвар заново родился на свет от женщины-юэтши, но чтобы стать большим и сильным, младенцу нужна материнская грудь. Скрипя зубами, Конан прошел и через это, под восторженный рев народа рыбаков.

— Вот ты и стал одним из нас! — Киммериец резко обернулся на голос Радхара.— Готов ли ты к встрече с богиней?

— Да, но как мне найти ее?

— Отправляйся туда, где вы встретились в первый раз. Это совет колдуна, а он умеет общаться с богами.

* * *

Конан медленно поднимался на холм. Память о женщине неземной красоты, ласкаемой лунным светом, вновь заставила кипеть его кровь.

Его уход остался незамеченным. Сейчас мунаганам хватало дел, им было не до своего вождя. В спину уходящему киммерийцу смотрела лишь одна пара сочувствующих глаз: Радхар

остался ждать его на опушке леса.

Конан остановился, в задумчивости поглаживая подбородок. Сейчас ему бросилось в глаза то, чего он раньше не замечал: холм имел правильную форму, и без сомнения был творением человеческих рук. Кто же нагромоздил здесь эту гору земли, для чего? Что скрывается в ее недрах? Кто знает ответ, юэтши? Расспросить бы их обо всем, но у него уже нет на то времени.

До вершины он добрался лишь к середине ночи, и устал так, что едва волочил заплетающиеся ноги. Первое, на что он наткнулся, были человеческие останки и пятна крови на земле.

Подойдя поближе, Конан увидел два тела, вернее, то, что от них осталось — обрывки одежды, изломанное оружие, белеющие кости. Варвар был привычен к подобным зрелищам, но невольно отвел взгляд, с содроганием подумав о чудовищной силе, которая смяла, сплющила, раздавила то, что когда-то было крепкими здоровыми мужчинами. Легкий ветерок растрепал его волосы, принеся с собой далекий рокот прибоя.

Он трижды повторил слова, которым научил его Радхар, и огляделся по сторонам. Теперь, если верить юэтши, богиня должна спать мертвым сном.

Осторожно ступая, киммериец обошел всю вершину. На северном склоне его взору открылась, глубокая мрачная трещина, хотя он мог поклясться, что еще прошлой ночью ее здесь не было.

«Неужели я, в самом деле, стал юэтши, глаза которых способны видеть древних богов?!» — с ужасом и восторгом подумал варвар.

Конан заглянул за край трещины и тут же отпрянул. Деркэто была там, если кошмарного вида старуху в запятнанных кровью лохмотьях можно назвать именем прекрасной богини.

Она сидела в глубине небольшой пещеры и казалась застывшей статуей. Огромный сверкающий топор лежал у нее на коленях.

Затаив дыхание, Конан ступил под своды пещеры, лицо его было мрачным, густые брови сдвинулись к переносице, на лбу пролегла глубокая морщина. Между ним и хозяйкой холма осталась некая недосказанность, а варвар всегда и во всем предпочитал идти до конца. Сердце его учащенно забилось, когда он приблизился к грозной богине.

— Я пришел, — негромко сказал киммериец, с ужасом представив себе, что вот сейчас старуха откроет глаза и с усмешкой потянетесь за своим топором.

Но ничего не произошло, старуха сидела как каменный истукан. Немного осмелев, Конан резким движением выхватил у нее топор и, не оглядываясь, бросился бежать.

Так он не бегал со времен своей юности. Киммериец стрелой вырвался из леса, и без сил рухнул на руки взволнованного Радхара.

— Вижу, тебе это удалось! — в голосе Серого слышалось неподдельное восхищение.
— Идем же в твой шатер, расскажешь все как было.

Они вошли в палатку и плотно задернули полог. И оба не сдержали крика ужаса, когда от дальней стены отделилась тень, похожая на растрепанную ворону.

— Я заждалась тебя, киммериец! — укоризненно сказала старуха и негромко, но зло рассмеялась.

— Для тебя я — юэтши, — едва ворочая непослушным языком выдавил варвар, отступая ко входу.

— Вот как? — остановилась карга, рассматривая варвара из-под грозно сошедшихся к переносице бровей. — И кто же надоумил тебя на это? Не ты ли, мой заблудший сын?

Радхар, с трудом веря своим глазам, с повинной головой упал на колени перед старухой.

— Прости меня, великая Деркэто, Конан спас мне жизнь. Я только возвращаю ему долг.

Конан покосился на него и, подумав, тоже опустился на одно колено.

— Я хочу извиниться,— язык тяжело ворочался во рту.— Прости, я обидел тебя.

— Меня нельзя обидеть... Зато можно оскорбить.— Голос богини был холоднее снегов Асгарда.— Верни мне топор! Ты заплатишь за все, и заплатишь сполна!

Конан взглянул ей прямо в глаза — черные окна в некий загадочный, недоступный для смертных мир.

— Сними с меня проклятие, и тогда ты его получишь! — вскинув голову, с вызовом ответил он.

— Послушай меня, северянин! — обратилась к нему старуха.— Ты слишком горд. Я знаю, что смертью тебя не испугать, поэтому решила отомстить иначе. И я придумала наказание...

— И что же это было? — спросил ее Конан. Он вновь обрел хладнокровие и уверенность в себе. Непривыкший склонять голову ни перед кем, будь то боги или демоны, он открыто смотрел в лицо мерзкой старухи.

— Я забрала твою удачу и силу!

Слова богини не сопровождались ни громом, ни молнией, но, несмотря на отсутствие знамений. Конан как-то сразу поверил в то, что она сказала, и перестал улыбаться, почувствовав то стремительное падение в бездну, из которой уже не будет возврата.

— А я забрал твой топор, и если хочешь его получить обратно, то тебе придется быть посговорчивей,— гневно бросил он.

Старуха внезапно мерзко захохотала, и Конану показалось, будто земля уходит у него из-под ног.

— Что ж, ты умеешь торговаться с богами! Благодари своего друга, теперь он в расчете с тобой.— Ведьма повернулась к Радхару и удостоила его благосклонным взглядом. Ты снова станешь самим собой, Конан из Киммерии.

И больше не сказав ни слова, она взяла топор из рук остолбеневшего варвара.

Радхар низко поклонился, Конан последовал его примеру. Когда они выпрямились, Деркэто уже не было в его шатре.

* * *

Он и Радхар сидели на морском берегу, подставив лица легкому бризу.

Варвар снова чувствовал себя могучим и сильным, верящим в свою удачу. Он с наслаждением вдохнул полной грудью и взглянул шпиону прямо в глаза.

— Куда ты теперь? Вернешься к Ездигерду?

— Ты меня отпускаешь? — Радхар внимательно посмотрел на киммерийца.— Благодарить не стану,— наконец сказал он, тряхнув головой.— Нет, в Аграпур мне дорога заказана.

— Тогда пошли с нами на Дугари,— предложил Конан.— Возьмем туранское золото, там его на всех хватит.

Радхар невесело засмеялся.

— Ты мне нравишься, киммериец, но с тобой я идти не хочу. Жизнь у мунган беспокойная, а я люблю уют и тишину.

Конан фыркнул. Серый продолжал:

— На перекрестке выбирают одну из дорог. И если нельзя повернуть, то нужно шагать прямо.

— Проще говоря, идти, куда глаза глядят? Радхар не ответил, смотрел куда-то вдаль, на

расстилающуюся безбрежную гладь моря. Вдали виднелось несколько белых точек: рыбачьи суденышки юэтши вышли на свой ежедневный промысел.

— Именно,— согласился Радхар, решительно поднимаясь.— Куда глаза глядят. Прощай, Конан.— Он круто повернулся и быстро пошел берегом моря.

Конан посмотрел ему вслед, пожал плечами и зашагал в противоположную сторону.
Он точно знал свою дорогу.